

Северус наблюдал за работой Гарри со второго этажа своего поместья, нахмурившись, как обычно, с суровым стоическим выражением лица. Это должно было стать наказанием, но не за то, что он сделал, а чтобы показать ему, что жизнь несправедлива. Что он, Северус Снейп, не собирается преподнести ему всё на блюдечке с голубой каёмочкой, как всем остальным. Северус знал, какой будет жизнь этого сопляка; нравился он ему или нет, но ни один ребенок не заслуживал такого. Он хотел отнять у Поттера серебряную ложку, которая была зажата во рту с самого его рождения. Упорный труд заставит мальчика лучше ценить всё и привьет ему гордость, и Северусу оставалось только надеяться, что Гарри удастся и дальше пережить Тёмного Лорда. Он ожидал, что мальчик будет ворчать или стонать по поводу длинного списка или того, что ему предстоит сделать, но тот оставался пассивным и не сопротивлялся, и Северус начал опасаться, что возвращение Волдеморта повлияло на мальчишку сильнее, чем все думали. Северус ожидал, что Поттер начнёт капризничать уже сегодня, когда отойдёт от шока, вызванного тем, что он живёт с самым ненавистным ему профессором зельеварения, или, что ещё лучше, когда до Гарри дойдёт, что от него требуется. Он наблюдал за работой мальчика уже несколько часов, но тот ни разу не остановился, не сбавил обороты и даже не сделал перерыва.

Пот струился по лицу мальчика, и Северус не получал от этого никакого удовольствия. Мальчик противоречил всему, что Северус, как ему казалось, знал о нем; если бы он только знал. Работа, которую выполнял мальчик, должна была занять его на весь день, но он уже был на полпути к завершению: трава была собрана в пучки и отодвинута в сторону. Северус был уверен, что Гарри никогда в жизни не занимался тяжелым трудом, но тем не менее он старательно работал. Он не внушал своему ученику такого страха, чтобы тот боялся схалтурить... Правда? Где, чёрт возьми, были эти истерики и отказы? Где угрозы рассказать обо всём Блэку или, ещё лучше, Дамблдору? Северуса это раздражало до крайности. В течение четырёх лет он мог читать Поттера как открытую книгу - или так ему казалось.

Северус вышел из дома и спустился в подвал, где начал готовить зелье, не выходя оттуда до обеда. Он ел в одиночестве, так как Поттер не появлялся. Он не собирался, как обещал, преследовать мальчика; если тот хочет пропустить обед, значит, так тому и быть. Он отмахнулся от беспокойства и велел домовикам всё убрать; те не обрадовались, но выполнили просьбу хозяина.

Вернувшись в комнату, из которой он наблюдал за происходящим, он заметил, что Поттера нигде не было видно. Северуса охватило чувство удовлетворения. Вот он, тот самый Поттер, которого он слишком хорошо знал; он совсем забыл, что мальчик работал три часа без перерыва. Чувство удовлетворения быстро улетучилось, когда он увидел, как мальчик тащит две полные до краев лейки к только что вскопанной земле. Не мог же Поттер успеть посадить все эти семена? Не мог же он проделать дневную работу за сколько? За шесть часов? Он хмуро посмотрел на мальчика, чувствуя себя крайне неловко, как будто это была его вина.

Гарри был измотан, но не желал останавливаться: раньше он делал и не такое. В прошлом его изнеможение мало кого волновало, и он был более чем уверен, что это не было чем-то, что могло бы расстроить его сурового мастера зелий. Он был суше костей и не мог дождаться, когда доберётся до ванной и попьёт - он не собирался пить воду из найденного им колодца. Собрав все силы, он поднял очень полную металлическую лейку и стал поливать семена, зная, что для их роста необходимо много воды. Он облегченно вздохнул, когда вода вытекла из лейки, и ее стало легче переносить. К несчастью, ему оставалось полить еще половину грядки

с зельями, как он ее окрестил. Он пожалел, что у него нет другого способа доставить воду сюда; колодец находился довольно далеко. Несмотря на усталость, он подхватил две пустые лейки и отправился в обратный путь к колодцу.

Гарри, конечно, был очень рад этому, но он также знал, что делать это придется, наверное, дважды в день, если не будет дождя. Гарри втайне надеялся, что дождь всё-таки пойдёт: у него болели руки. Он молча гадал, сколько сейчас времени, но в этом и заключалась особенность лета: никак нельзя было определить время. Тачка! Это могло бы помочь; он не видел ни одной... А что, если спросить? Нет, он не мог, он содрогнулся от одной этой мысли, молча размышляя о том, что будет, если он попросит. Никогда в жизни он не просил ни о чем. Вернон избил бы его до полусмерти; Снейп? Да у него характер был хуже, чем у Вернона, если такое вообще возможно. Когда дело касалось его, они были одинаковы, и это было всё, что Гарри когда-либо знал: хмурые, издевательски ужасные оскорбления в адрес его и его родителей всю его жизнь - хотя Снейпу, наверное, не понравилось бы, что его сравнивают с большим, огромным, моржовым магглом. Гарри задался вопросом, какое удовольствие получит Снейп от разговора с дядей о его отце: они оба ненавидели его с пламенной страстью. Пока Гарри нёс тяжёлые лейки, он не мог не думать о том, какой была бы его жизнь, если бы Волдеморт не родился. Его жизнь была бы совсем другой; он знал, что родители всё равно любят его.

Даже спустя четыре года это всё ещё удивляло его: при мысли о родителях в нём вспыхивала любовь, а не отвращение и стыд, как раньше, когда он думал, что его родители были пьяницами. Нет, его родители не погибли в пьяном виде в автокатастрофе, которая едва не унесла его жизнь; нет, они любили его больше собственной жизни и умерли за него. Он до сих пор помнил тот трепет, который испытал, когда Хагрид всё ему объяснил. Именно поэтому, после стольких лет насмешек и унижительных колкостей, при упоминании о родителях он реагировал очень оборонительно и злобно. Тетя Мардж убедилась в этом на собственном опыте; к сожалению, отвратительная, тучная женщина не могла этого вспомнить. О, он был в ужасе, когда сделал это; он думал, что его исключат. Он предпочёл бы умереть, чем вернуться к Дурслям на полный день. Он знал, что они не позволят ему учиться в школе; он будет рабски работать за ними до семнадцати лет, а потом его вышвырнут при первой же возможности. Он знал, что его дядя отдаст его самому Волдеморту, если это спасет его задницу.

Выпив все, он удовлетворенно откинулся на спинку стула, его зеленые глаза сверкали от гордости, когда он смотрел на свою работу. Он снял очки и вытер пот со лба, а плечами вытер пот и с шеи. Ему так хотелось пить и было жарко, что он просто жаждал холодного напитка и холодного душа. Он не был уверен, что Снейп захочет, чтобы он пользовался его ванной, когда ему вздумается. Он не хотел испытывать судьбу: в конце концов, он был рад, что может пользоваться туалетом и даже принимать ванну. У Дурслей он мылся, как мог, в раковине, в холодной воде. В туалет он мог ходить только по указанию, когда его не запирали в комнате, а тётя с глазами-бусинками не спускала с него глаз, выкрикивая угрозы рассказать Вернону о том, что он бездельничает. Гарри знал, что за это он получит двадцать ударов ремнём, и это заставляло его работать быстрее и усерднее. При этом он чувствовал, что тётя наблюдает за ним со злобным ликованием и отвращением.

Решив сходить в туалет, он со вздохом облегчения попил прохладной воды из крана. Увидев время, он испугался худшего: преподаватель сейчас взбесится. Было уже три часа, он пропустил обед - совсем забыл. Ему ничто не напоминало об этом, желудок уже не урчал от голода, он привык к тому, что его не кормят. У него не было ни часов, ни чего-либо другого, по

чему можно было бы определить время. Неужели теперь он не получит ужин? Снейп сказал, что он не получит его, если не придет вовремя. Входило ли это в стоимость всех блюд на день? Неделю? Или только тот, к которому он не успел вовремя? Вот что он имел в виду, говоря о новых правилах. Он не знал правил Снейпа и боялся неизвестности. Он остался в ванной, его желудок завязался узлом, и он жалел, что ничего не знает.

Он решил, что если сделает всё по списку, то, возможно, получит ужин, если будет хорошо себя вести - в конце концов, тётя иногда давала ему остатки еды, когда он хорошо работал, когда он был моложе. Несмотря на усталость, он приступил к выполнению нового задания: нашел дорогу в подzemелья и проскользнул внутрь. Он заметил множество ингредиентов для зелий, которые нужно было приготовить. К счастью, на стене висели часы, которые должны были помочь ему - он очень хотел ужинать. Еда была такой вкусной, а от одной мысли, что он может получить еще больше вкусных фруктов, которые он ел вчера, у него пересохло во рту.

Следующие три часа он работал в лаборатории зелий. Он начал с того, что резал, нарезал, нарезал кубиками и измельчал ингредиенты для зелий. Он складывал их в соответствующие контейнеры, на которые уже были наложены консервирующие чары. Четким почерком он наклеил на них этикетки; на все про все у него ушло всего полтора часа. Он открыл шкаф с зельями и с ужасом увидел, что в нём всё отвратительно. Входило ли это в его обязанности? Может быть, ему стоит это сделать, это не повредит.

Кивнув головой, он принял решение; подойдя к раковине, он налил в таз горячей воды с чистящим раствором. Найдя очень хорошую щетку, он принялся чистить шкаф с зельями. Сначала он вымыл пол; к сожалению, стены он не смог вымыть, так как все они были заставлены деревянными полками. С помощью перевернутого куса неиспользованного пергамента он избавился от паутины на потолке. После этого он начал убирать ингредиенты для зелий, которые находились в контейнерах и банках, не забывая об осторожности. Вскоре он уже оттирал деревянные полки, и уже через час все было чисто. Следующие полчаса он потратил на то, чтобы разложить все ингредиенты в алфавитном порядке. Ингредиенты для зелий лежали на одной стороне, травы - на другой, опять же все в алфавитном порядке. Так тётя всегда заставляла его наводить порядок в шкафу со специями, к которому она почти не притрагивалась, поскольку приличные блюда всегда готовил Гарри - в результате побоев и угроз с её стороны. Гарри получал бы удовольствие от готовки, если бы не чертовы сковородки, скалки или сковородки по голове.

Петунья всегда использовала что-нибудь для того, чтобы ударить его - начиная с газеты, когда ему было два года, затем, по мере взросления, перешла к более жестким и болезненным предметам. Гарри рано понял, что Петунья, скорее всего, слишком слаба, чтобы ударить его пальцем. У неё не было сил, чтобы ударить его физически. Она бы только навредила себе, пытаясь причинить ему боль, к тому же она очень не любила прикасаться к нему.